

Течет время, текут реки, большие и малые реки необъятной России. . . . Немало воды утекло за пять лет. Именно столько времени прошло с тех пор, как ушел от нас русский поэт Игорь Царёв.

Быть может, когда-нибудь ученый-филолог, исследуя феномен поэзии рубежа XX—XXI веков, напишет серьезную работу, например... о гидронимах* в стихотворениях. И сей ученый муж с удивлением будет констатировать, что этих самых гидронимов немало в текстах Игоря Царёва (Могилы)***, одного из Капитанов поэзии «порубежья тысячелетий».

Это его, Игоря Царёва, «...все детство качал Амур / И кедровой далью поил Хехцир». Это он, Игорь Царёв, «...хотел бы жить на Оке / И не спрашивай его, почему...».

В новой книге Игоря Царёва «Дети Империи», редактором-составителем которой стала жена поэта Ирина Царёва, есть раздел, озаглавленный «... и отражается река, и наши мысли, и мы сами». Игорь Царёв «отражается» в стихотворениях этого раздела как энциклопедист: читатель, не очень искушенный в географии, например, не являющийся членом Российского географического общества, не участвовавший в Географическом диктанте, а потому не штудировавший географические атласы в последнее время, может и знать не знал, что есть на Рязанщине речка Вобля, а под Старым Осколом — речка Убля.

А вот Игорь Царёв, переосмысливая эти названия в планетарном масштабе, — а как иначе может мыслить ответственный редактор «Российской газеты»? — пишет стихотворение «Русские реки Убля и Вобля», которое я позволю себе процитировать: уж больно нестандартный материал!

С какого вопля, судите сами,
Пошло название речки Вобля***?
Да и земля хороша в Рязани:
Воткнешь оглоблю — цветет оглобля!

---

* Гидроним — собственное имя водоема (реки, озера, моря и т. п.) как объект лингвистического изучения (Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русск. яз., 2000. — С. 180).

** Игорь Вадимович Могила (Игорь Царев) появился на свет в приморском поселке Гродеково 11 ноября 1955 года в семье инженера Вадима Петровича Могилы, будущего профессора Дальневосточного государственного университета путей сообщения, и Екатерины Семеновны Кирилловой — учителя русского языка и литературы.

*** Река Вобля протекает около Рязани.

А потрясенье берез осенних!
А небо... Братцы, какое небо!
Не зря тут жил хулиган Есенин.
А я, признаться, почти что не был —
Так... Пару раз проезжал на «скором»,
Глядел в окошко, трясясь в плацкартном...
Зато под Старым гулял Осолом
На речке Убля* (смотри по картам).
И там простор без конца и края,
И как в Рязани до слез красиво.
А то, что жизнь далека от рая...
Зато в названьях — какая сила!

Читая «русский народ загублен»
В газетах Дублина и Гренобля,
Я вспоминаю про речку Убля
С рязанским кукишем речки Вобля.

С хорошим лингвистическим уловом можно будет поздравить нашего гипотетического ученого-ботаника от филологии, если он, исследуя пресловутые гидронимы, то бишь названия водоемов России, всерьез возьмется за стихотворение Игоря Царёва с незатейливым названием «Рыбацкое-простецкое». Здесь столько названий рек, что лишь по одному этому тексту запросто (было бы желание!) можно составить тематический пятничный сканворд для хабаровской краевой газеты ТОЗ*, которую выписывали родители будущего поэта в его детские и школьные годы.

Собственно, о стихах нельзя рассказывать — их нужно слушать и читать. Судите сами:

Хорошо по **Каме** плыть
рыбакам —
не мешают берега
по бокам.
Там под юною волной
озорной
ходит щука, словно туз
козырной.

По **Уссури** разгулялся
ленок.
На **Амуре** бьют налимы
у ног.
А в Сибири выдает
Ангара
три ведра плотвы за час
на гора.

---

* Речка Убля — у Старого Оскола.

** «Тихоокеанская звезда» — ежедневная общественно-политическая газета, издающаяся в Хабаровском крае, одна из старейших газет Дальнего Востока.

Из **Туры** по зову полной
луны
выползают по ночам
валуны.
А когда идет на нерест
таймень,
варит рыбные пельмени
Тюмень.

Пусть невиданных доселе
высот
достигают пустосель
и осот,
Тянет сети вдоль **Исети**
народ —
будет детям по рыбешке
на рот.

Где по **Судогде**-реке
рыба язь
мутит воду, никого
не боясь,
вобла сто́ит пяточок
за пучок,
так как ловится на голый
крючок.

И **Ока** для рыбака
хороша.
Широка ее речная
душа.
Возле Мурома, хоть дождь
мороси,
сами прыгают в ведро
караси.

Плещут **Волга** у порога
И **Дон**,
И дорогу заменяя
и дом.
Безотказно их живая
вода
Сквозь рыбацкие течет
Невода.

А еще есть **Бия**, **Мга**
и **Уса**,
Индибирка, **Оленёк**,
Бирюса...
Даже только имена
этих рек
не испытать тебе вовек,
человек!

Ритмы поэзии Игоря Царёва завораживают читателя и слушателя. А как по-разному текут и звучат его реки, и каждой реке умеет он найти особый ритм, а уж тексту, в который стеклось сразу столько рек, обязательно песенный напев! Вслушайтесь: точно, со второго двуступища поется, да еще как!

Игорь Царёв всегда правдив в творчестве, именно поэтому так вольно, так легко, как на берегу реки, дышится в его поэзии. Истоки рек — в родниках, истоки писателя и поэта — в семье. Родители-преподаватели заложили в детстве основы нравственности, интерес к чтению. Отличная домашняя библиотека сформировала вкус, умение ясно высказать то, что бродит в душе. Уже школьные работы Игоря, хранящиеся в семейном архиве, поражают отточенностью фраз и точностью прорисовки деталей. Я не оговорила: именно прорисовки. Игорь Царёв рисует образы словами и мастерски работает как художник-график. Это выходит у него настолько профессионально, что в «ленинградский период» учебы в ЛЭТИ (Ленинградском электротехническом институте) Игорь с друзьями входит в Клуб ленинградских карикатуристов. Его шаржи и карикатуры с удовольствием размещают на своих страницах различные журналы, в том числе журнал «Советский Союз»...

Ну а мы отправимся дальше по рекам поэзии вслед за дальневосточником Игорем Царёвым, всегда мечтавшем стать капитаном:

Ну, не вышло из меня капитана!
Обнесла судьба пенькой и штормами,
Не оставила других капиталов,
Кроме слов, что завалились в кармане.
(Стихотворение «Переводчик»)

Моря, реки, озера, океаны — стихия поэта, его песня... Даже любовь к жене, которую называл Русалкой, преломляется в призме реки его судьбы — Амура: «У жены моей чудный цвет волос — /Как амурских кос золотой песок».

Отец Игоря, Вадим Петрович, вспоминая о сыне, рассказывает, как с детства брал его на лодке на рыбалку и охоту, обучал мужскому ремеслу добытчика... На Дальнем Востоке Игорь побывал в самых заповедных уголках. В поэтическом альбоме Игоря Царёва зарисовки экзотического дальневосточного озера Хасан с его реликтовыми розовыми лотосами, эхом боев и тигриными тропами:

Я там был... И как будто бы не был, потому что с годами забыл,
Как гонял между лугом и небом табуны диковатых кобыл.
А припомню — и легче как будто, что в далеком моем далеке
Удэгейский мальчишка, как Будда, держит розовый лотос в руке.

«...был... И как будто бы не был...». Был! Конечно, был!

В интервью portalу «Клубочек» в 2010 году Игорь сказал: «...Множественно обездвиживший страну (и вдоль, и поперек, и по диагонали) я немало повидал, и мои стихи в определенной степени — отражение увиденного. И хотя большей частью они, как Вы изволили выразиться, «документальны» — в них моя жизнь, мои мысли, моя любовь. Но задача поэзии состоит не только в том, чтобы отражать действительность, но и в том, чтобы создавать новые вероятностные миры...»*

Журналистская жизнь, работа в газетах делала жизнь Игоря Царёва кочевой. Его репортажи и очерки — не штамповка. А лучшее — отливало в стихи.

Стихотворение «Восход в Охотском море» — о рыбацком утре на траулере — это не нежная акварель и не «картина маслом», а скорее рабочая фотография без макияжа и фотошопа, с утренней щетиной на щеках тех, кто кормит край минтаем:

На море все восходы превосходны.
Животворящ зари гемоглобин,
Когда под звук сирены пароходной
Всплывает солнце из немых глубин,
И через шторм и злые крики чаек,
Сквозь скальпельный разрез восточных глаз
Тепло, по-матерински изучает
Пока еще не озаренных нас —
Невыбранных, усталых, невеликих —
Сочувствует и гладит по вихрам...
И мы лицом блаженно ловим блики,
Как неопиты на пороге в храм.

Пусть за бортом циклон пучину пучит,
Валы вздымая и бросая ниц,
Пусть контрабандный снег лихие тучи
В Россию тащат через сто границ —
Наш траулер (рыбацкая порода!),
Собрав в авоську трала весь минтай,
Царю морскому гордый подбородок
Нахально мылит пеной от винта.
А мы считаем светлые полоски
На тельниках и радуемся дню.
Восход с тарелкой макарон по-флотски —
Сам Бог не знает лучшего меню.

От сурового Охотского моря до черноморского побережья в крымско-волошинский Коктебель переносят нас стихи Игоря Царёва. А из прекрасного Коктебеля — в нереальный океан снов и открытий Капитана Царёва:

С хрупким грузом королевского фарфора,
Паруса наполнив звездами зюйд-веста,
Сны мои, как каравеллы Христофора,
Каждый вечер уплывают в неизвестность.

Много, много воды речной утекло в те моря-океаны, о которых писал поэт. Продолжает бушевать «Пятая стихия» поэзии Игоря Царёва. За годы без Капитана «Санта Ирина», его бригантина, ни разу не сбилась с проложенного курса. За штурвалом вахтенным стоит сама Ирина Царёва. Бьют корабельные склянки, отсчитывают время...

В поток лауреатов конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» вливаются новые ручьи и реки поэзии вот уже пятый сезон. Игорь Царёв помогает открывать новые имена...

В Хабаровске стали традицией ежегодные Царёвские чтения «Царёв. Хабаровск. Россия». На них встречаются школьники и студенты, писатели и поэты, ученые Хабаровска. неизменно выступает на пленарном заседании хрупкая женщина с молодым и сильным голосом — мать Игоря Царёва Екатерина Семеновна Кириллова. Ее слова о сыне трогают любое сердце. И появляются вдохновленные

словами матери эссе в сборниках студенческих научных работ, и читают стихи Игоря Царёва на школьных городских конференциях «Шаг в науку». Учитель Хабаровского края ратует за включение поэтических текстов Игоря Царёва в Хрестоматию по дальневосточной литературе (седьмой класс), а светлой памяти ответственный редактор учебного издания, профессор Педагогического института Сергей Иннокентьевич Красноштанов с энтузиазмом поддерживал учительскую инициативу, советовался о том, какие тексты отобрать для ребят.

Четвертого апреля 2016 года в Хабаровске, на стене здания школы № 15, была открыта мемориальная доска в память об ученике этой школы, поэте, писателе, публицисте, шеф-редакторе «Российской газеты» Игоре Царёве. Дата была выбрана не случайно — Игорь Царёв, признанный по итогам 2012 года лучшим русскоязычным поэтом России, ушел из жизни четвертого апреля 2013 года на рабочем месте — в кабинете ответственного редактора «Российской газеты». В торжественной церемонии приняли участие и преподаватели, и студенты ДВИУ РАНХиГС, и хабаровское отделение Российского союза писателей, приложившие немало усилий для того, чтобы память об Игоре Царёве была сохранена на его малой родине. Событие освещалось тремя каналами ТВ, в том числе «Россия 24». В нем участвовали редакции журналов «Дальний Восток», «Аргументы времени», Всероссийское общество охраны памятников искусства и культуры, администрация города и Железнодорожного района, литературная общественность, школьники, студенты. Игорь Царёв — наш земляк, учился в школе № 15, известной в Хабаровске как «школа пяти Героев», из стен которой вышли пять Героев Советского Союза. Их имена высечены на памятных досках на Стене героев школы. Теперь к ним добавилось еще одно имя — Игорь Царёв. Исполнил памятную доску художник Владимир Валентинович Гуенок, руководитель проекта — Сергей Петрович Чухломин.

На церемонию открытия из Москвы приехали жена поэта — Ирина Царёва, член Союза писателей России, академик Академии российской словесности; внук поэта Александр — магистрант одного из московских вузов. На открытии мемориальной доски выступила мать поэта, полвека преподававшая в школе № 15 русский язык и литературу — Екатерина Семеновна Кириллова... Это Хабаровск, наши дни.

Но вернемся в день вчерашний, перенесемся памятью ровно на два десятилетия назад. Игорь Царёв жив, Москва, 1998. В московском издательстве «Голос» десяти тысячным тиражом вышла книга Игоря Царёва «Энциклопедия чудес» — и тут же стала бестселлером. На первой странице автор дает определение чуду, а в самой книге физик Игорь Царёв материалистически объясняет многие явления, которые принято называть сверхъестественными.

Сегодня феномен поэта Игоря Царёва, Капитана российской поэзии рубежа тысячелетий, тоже можно назвать чудом. Попробуем объяснить это чудо рационально, как Игорь в своей книге двадцать лет назад.

Классическая по сути поэзия нашего земляка помножена на его энциклопедичность. Добротная «выделка» текстов, филигранно украшенная резьбой языковой игры, сразу обращает на себя внимание. Рифмы точны и разнообразны. Тексты вписаны в традиции русской поэзии. Сегодня поэзия Игоря Царёва — парус и компас в продвижении русского слова как одного из символов русской культуры в страны Восточной Европы. Эту идею поддержал Президентский клуб «Доверие» (г. Москва), Евразийский Инвестиционный Союз, участвовавшие в подведении итогов конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия — 2017» в Москве.

И вновь — о... гидронимах и о нашем виртуальном ученом. Поэтическая река, принявшая в свое русло поток по имени Игорь Царёв, зовется Мировая Поэзия. По картам «Пятой стихии» мы точно знаем, что воды ее омывают Дом Берлиных

в Лос-Анджелесе, Израильский берег, немецкий Гамбург, подкатывают к улочкам старой Риги, спешат в белорусский Минск и французскую Ниццу, в Новую Зеландию и Австралию, в каштановый Киев, где упокоился пращур Игоря Царёва — митрополит Петр Могила...

Капитан Игорь Царёв принимает поэтический парад, стоя высоко на капитанском мостике, вне времени... Его призвала туда повестка из песни-притчи Виктора Скоробогата, написанной через три дня после ухода из жизни Капитана:

Посвящение Игорю Царёву

По неписаным сводам законов
В мироздании все так непрочно,
И к поэтам своих почтальонов
Посылает небесная почта.

И с холодным весенним рассветом,
Что, как бритвою по занавеске,
Почтальоны приходят к поэтам
И вручают поэтам повестки —

Дай им, Господи, дай им,
Всем, кто ее получил,
Дай им, Господи, дай им
Белой бумаги, синих чернил!

Почтальоны приходят некстати,
И сначала не верится в это,
Но стоят на повестках печати,
А повестки небесного цвета...

И нельзя не открыть почтальонам,
Даже если оборвана строчка —
По не писанным небом законам
Не дается поэтам отсрочка.

Дай им, Господи, дай им
Всем, кого ты отличил,
Дай им, Господи, дай им
Белой бумаги, синих чернил!

Игорь Царёв теперь там, где всем хватает «белой бумаги, синих чернил» — в Пантеоне друзей-поэтов, его строки о которых вошли в антологию мировой поэзии, а на земле высечены в камне: Бродский, Окуджава, Северянин, Цветаева, Рубцов, Ахматова, Гумилев...

Время, которое отбивают поэтические склянки, все расставляет по своим местам, а книги поэтов — по книжным полкам.

